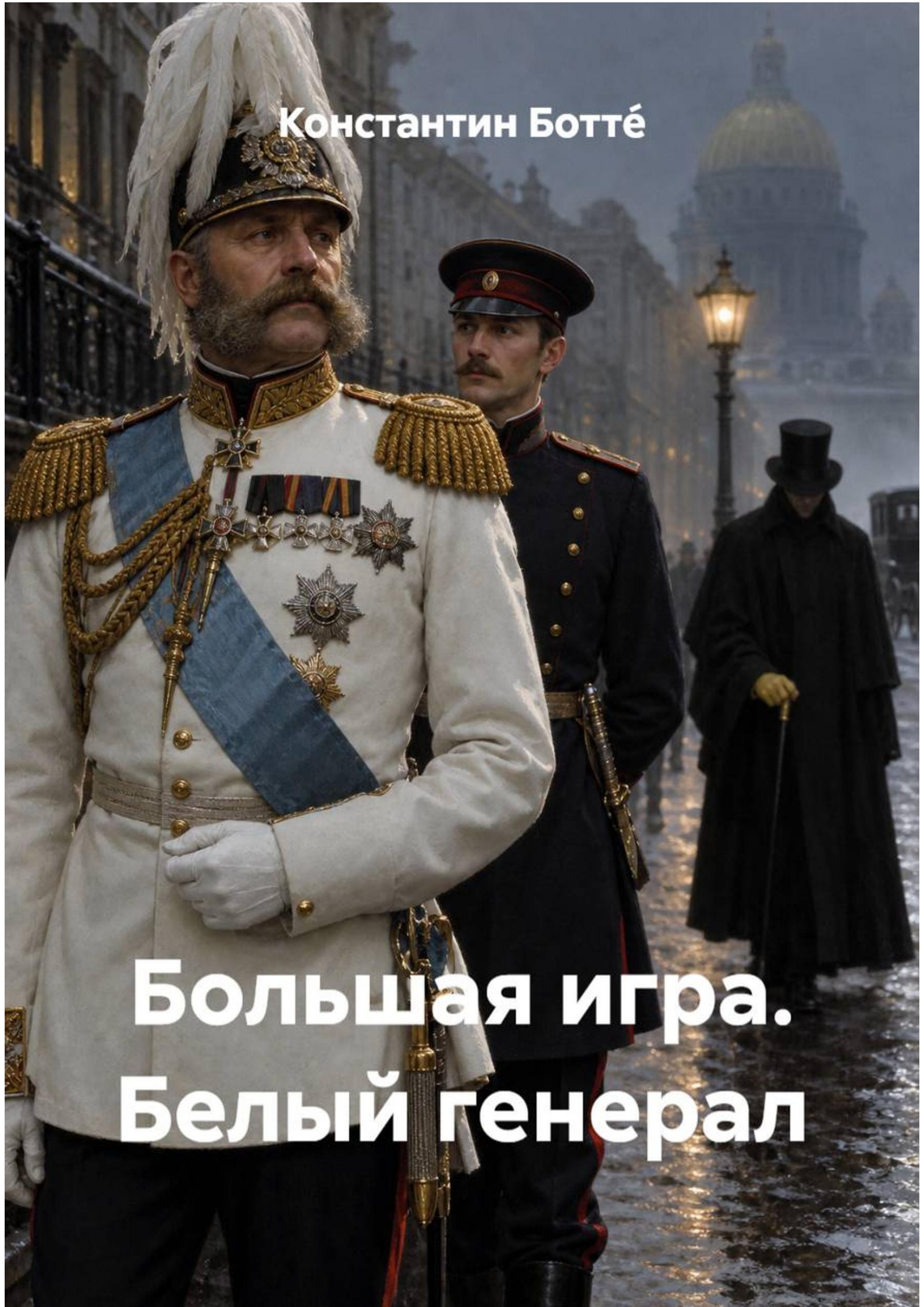

Константин Боттэ

Большая игра. Белый генерал

Константин Боттё

Большая игра. Белый генерал

«Автор»

2026

Боттё К.

Большая игра. Белый генерал / К. Боттё — «Автор», 2026

Это первая книга из тетралогии о противостоянии лондонской имперской машины и русской военной контрразведки. Она рассказывает историю о «Белом генерале» Михаиле Дмитриевиче Скобелеве в последние полгода его жизни. 1881 год. После взятия неприступной крепости Геок-Тепе капитан контрразведки Родион Воронецкий находит среди обгоревших бумаг английские инструкции по снабжению текинцев оружием. Так начинается смертельная игра, в которой на кону судьба империи. От пыльных крепостей Туркестана до сверкающих бульваров Парижа, от туманной Москвы до парадных кабинетов Санкт-Петербурга капитан Воронецкий ведёт свою тайную войну. Он знает, что Уайтхолл всегда на шаг впереди, а предатель сидит в министерском кресле. Необходимо остановить британского «Призрака» и спасти генерала, которого предали свои. Большая игра только начинается.

© Боттё К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13

Константин Боттё

Большая игра. Белый генерал

Глава 1

Январь 1881 года. Ахалтекинский оазис, крепость Геок-Тепе.

В 11 часов 20 минут утра мир перестал существовать. Вместо него остался только грохот. Он был такой плотный, что у капитана Родиона Воронцовского из ушей потекла кровь.

Три недели саперы вгрызались в окаменевшую туркменскую глину, делая подкоп под восточную стену цитадели Денгиль-Тепе. И теперь полторы сотни пудов пороха сработали разом. Земля под ногами вздыбилась, словно живой, разъяренный зверь. Сорок саженей вековой, высушенной солнцем глины вместе с пушками, зубцами и людьми, которые составляли крепостной вал, медленно, как в кошмарном сне, поднялись в небо, расцвели багрово-черным пламенем и рухнули обратно, превратившись в гигантский, удушливый столб лёссовой пыли.

– А-а-а-а-а! – этот крик не принадлежал человеку, это был сам Ширванский полк, тысяча потоков, ослепших и оглохших от взрыва.

– Вперед! В брешь! Матушку вашу... Вперед! – сиплый, сорванный крик полковника Куропаткина утонул в общем реве.

Воронцовский упал на четвереньки, хватая ртом воздух, который превратился в жидкую грязь из пороховой гари и извести. В горле драло так, словно туда плеснули кислоты. Он сильно тряхнул головой, размазывая по лицу пот пополам с серой пылью, и бешено рванул из кобуры тяжелый «Смит-Вессон». Пальцы скользили по рукояти. Ладони были мокрыми от пота и чужой крови, прилетевшей откуда-то сверху вместе с комьями земли.

Из траншей, шатаясь, спотыкаясь о трупы своих и чужих, лавиной повалила русская пехота. Серая масса шинелей со штыками наперевес ринулась прямо в клубящийся, колыхающийся ад пролома.

Навстречу им из оседавшей пыли, прямо по дымящимся обломкам, катилась лавина текинцев. Чёрные бараньи папахи, безумные, налитые кровью глаза, оскаленные зубы и кривые, хищно поблескивающие клычи. Они не защищались, а шли умирать и забирать с собой как можно больше врагов.

Две волны столкнулись со страшным, хрустящим звуком. Это не был цивилизованный бой. Это была бойня. В первые же секунды пороховой дым смешался с запахом распоротых животов, конского пота и парного человеческого мяса. Воздух заполнился диким, утробным воем, лязгом штыков о сабли и тупыми, костедробильными ударами прикладов в лица. Смерть здесь собирала жатву ежесекундно. Воронцовский видел, как ширванцу наискось срезало полчерепа ударом тяжёлой текинской шашки, а в следующую секунду этот же текинец рухнул, пригвождённый к земле тремя штыками.

Воронцовский не бежал в общей массе. Пока пехота перемалывала завалы, Родион с пятью казаками, прижимаясь к полуразрушенным глинобитным стенам, прорывался вглубь к ставке Тырма-Сердара. Вокруг свистело, шелкало, выло. Пули рикошетили от камней, выбивая искры.

Они влетели во внутренний дворик, мимо пылающей кибитки, от которой несло горелым войлоком и жареной кониной. Из окон обширной, куполообразной сакли по ним выстрелили из большого количества ружей. Но это были не хаотичные выстрелы старых фитильных ружей. Звук был сухим, частым и хлестким.

«Мартини-Генри!» – обожгло мозг Воронцовского. Английские винтовки. Слишком кучно.

Один из казаков, шедших рядом с Родионом, коротко вскрикнул и рухнул навзничь, хватаясь за шею, из которой между пальцами толчками забила темная кровь.

– Назад! К стене! – рявкнул Воронежский.

Он высунулся на долю секунды, поймал в прицел черную папаху в окне и дважды нажал на спуск. Тяжёлый «Смит-Вессон» оглушительно выстрелил, сильно толкнув руку в плечо. Из окна вывалился человек, выронив воронёную винтовку.

– Костров! Сухов! Забрасывай гранатами! – крикнул капитан, вытирая рукавом кровь со щеки, которую зацепило осколком кирпича.

Казаки рванули из сумок тяжёлые чугунные шары, чиркнули спичками по тёркам. Две гранаты с шипением влетели в окна сакли. Два коротких, глухих взрыва внутри здания выбили наружу тугие струи дыма вместе с криками раненых.

Воронецкий не стал ждать. Он с разбегу выбил плечом полуобгоревшую деревянную дверь и ворвался внутрь. Помещение было забито удушливой гарью, на полу в лужах крови корчились двое стрелков. Но взгляд Родиона намертво приковал старик-текинец в богатом, расшитом золотом халате. Он сидел на коленях у опрокинутого кованого сундука и лихорадочно, трясущимися руками запихивал бумажные свитки в медную жаровню, где уже полыхал огонь.

– Назад, падла! – Воронежский сделал три огромных прыжка, буквально снося старика с ног тяжёлым армейским сапогом.

Текинец хрипнул, отлетая к стене, но успел выхватить из-за пояса длинный кинжал-каму. Родиону было плевать на нож. Он упал на колени перед жаровней, суя руки прямо в ревущее пламя. Боль обожгла пальцы мгновенно, до костей, пахло палёной кожей, но капитан, матерясь сквозь зубы от дикой судороги, выхватывал, вырывал из огня плотные, обугленные по краям листы дорогой импортной бумаги.

Текинец рванулся вперед, занося кинжал над спиной Воронежского, но подоспевший унтер-казак с глухим хрустом опустил приклад карабина прямо на череп старика. Тот обмяк, ткнувшись лицом в ковёр.

Воронецкий сидел на полу, тяжело, со свистом дыша и сбивая пламя со спасенных документов обгоревшими, покрытыми волдырями пальцами. Его трясло от адреналинового отката. Он посмотрел на верхний, уцелевший наполовину бланк. Текст был набран безупречным английским шрифтом. А в углу красовался чёткий оттиск: *«Британская миссия в Мешхеде»*.

Ниже, сквозь копоть, читались цифры: «5000 винтовок... 20 000 золотых соверенов...». И размашистая, сделанная черными чернилами подпись: *«Кортленд»*.

– Капитан! – этот голос, казалось, мог заглушить даже взрыв пороховой мины.

В дверном проеме, затянувшемся пороховым туманом, выросла фигура, которую в русской армии знали все. Чтобы войти в низкую саклю, ему пришлось нагнуть голову, но даже это движение выглядело величественно.

Михаил Дмитриевич Скобелев. «Белый генерал».

Его ослепительный мундир, вопреки всякой логике боя, казался вызывающе чистым среди этого царства грязи и копоти. Лишь на левом плече темнело пятно от свежей глины. На золотых эполетах играли редкие лучи солнца, пробивавшиеся сквозь отверстие в потолке, а грудь была густо усыпана крестами. В руке он сжимал обнаженную шпагу, с которой стекали густые красные капли. Светлые, почти прозрачные серо-голубые глаза генерала горели тем страшным, лихорадочным блеском, который появлялся у него только в минуты триумфа.

– Воронежский! – рявкнул Скобелев, и от его зычного баса в ушах Родиона, еще не отошедших от взрыва, снова заныло. – Живой? Что у вас здесь? Что за птицу вы тут подстрелили?

Воронецкий, преодолевая тупую, пульсирующую боль в обожжённых ладонях, поднялся на ноги. Его шатало. На бледном лице, испачканном сажей, зловеще выделялась свежая полоса крови из рассеченной щеки. Он вытянулся, едва удерживая пальцами обгоревшие листы.

– Ваше Превосходительство... Крепость взята? – хриплым, сорванным голосом спросил капитан.

– Бегут, капитан! Бегут текинцы! Кавалерия Куропаткина гонит их в пустыню, как скот! – Скобелев резко взмахнул шпагой, оставив в воздухе едва заметный кровавый след, и тут же убрал её в ножны. Его взгляд намертво приковался к бумагам в руках Воронежского. – Что это у вас? Снова английские фокусы?

– Больше, чем фокусы, Михаил Дмитриевич, – тихо, но отчетливо произнес Воронежский, протягивая генералу пачку хрустящих, обугленных документов. – Взгляните сами. Это инструкции из Мешхеда. Англичане не просто снабжали черкесов и текинцев оружием. Они сидели здесь. Они высчитывали углы обстрела наших батарей. Они платили за каждую русскую голову. Лондон ведёт с нами войну, Михаил Дмитриевич. Настоящую войну, просто чужими руками.

Скобелев вырвал листы из рук капитана. Его пальцы в белых лайковых перчатках быстро перелистывали страницы. По мере того, как он вчитывался в английские строчки, его породистое лицо искажалось в гневной, почти хищной гримасе. Желваки на челюсти заходили ходунком.

– Мерзавцы... Лондонские лавочники! – Скобелев с силой ударил кулаком по ладони, так что белая кожа перчатки треснула на сгибе. – Опять прячутся за чужими спинами! Натравливают на нас степных волков, а сами выжидают в своих лондонских клубах!

Генерал резко развернулся и быстрыми шагами вышел из сакли. Воронежский, едва поспевая, последовал за ним.

Они вышли на залитый ослепительным среднеазиатским солнцем двор цитадели. Вокруг ещё слышались редкие выстрелы. Казаки и пехота прочёсывали дальние кибитки. Санитары спешно укладывали на телеги раненых, которые были от боли. А над главной, полуразрушенной башней Геок-Тепе с тяжелым, сухим шуршанием уже разворачивался огромный трёхцветный российский флаг.

Скобелев подошёл к самому краю полуразрушенного глинобитного бруствера. Он стоял, широко расставив ноги, и смотрел туда, где за бескрайним, дрожащим от зноя маревом пустыни, далеко на юге, вздымались серые хребты Памира. Там лежал Афганистан. А за ним находилась жемчужина британской короны, Индия.

– Наш государь Александр Николаевич убит в Петербурге бомбой нигилистов, – глухо, но так, чтобы слышал только Воронежский, произнёс Скобелев, не оборачиваясь. – На престол восходит его сын. Империя в растерянности, двор полон трусов и либералов. И в этот самый момент Лондон бьёт нас под дых здесь, в Азии. Пользуется нашей неопределённостью. Если мы остановимся сейчас, они задушат нас. Окружат кольцом и удавят.

Генерал резко обернулся. Его глаза сузились, превратившись в две ледяные щёлки. В них не было безумия, там был холодный, математический расчёт гения войны.

– Нам нужен не просто мир. Нам нужен упреждающий удар. Такой, чтобы у королевы Виктории чашка с чаем из рук выпала. Я лично составлю план. Мои казаки корпуса пройдут Памир. Мы покажем им, что наши кони могут пить воду из Инда. Пусть дрожат в своём Букингемском дворце.

– Михаил Дмитриевич, это же мировая война, – негромко, но твердо заметил Воронежский. Он осторожно коснулся обожжёнными пальцами рукоятки своего револьвера. – В Петербурге, в министерствах, половина чиновников умрёт от страха при одной мысли о походе на Индию. Дипломаты костыми лягут, чтобы этого не допустить.

– Значит, мы сделаем это втайне от дипломатов, – отрезал Скобелев, и его голос прозвучал как удар топора. – Вы, капитан, поможете мне. Мы составим детальную аналитическую записку для нового государя Александра Александровича. Мы зашифруем её вашим особым кодом и отправим напрямую в Гатчину, минуя МИД и штабных трусов, которые за английский кредит готовы продать половину империи. Пишите. Наша Большая игра только начинается. И на этот раз мы будем ходить первыми.

Скобелев развернулся и стремительным шагом направился к своему коню, которого ординарец уже держал под уздцы в центре двора. Воронежский остался стоять у стены. Он смотрел на обгоревшие английские бланки в своих израненных руках, и внутри у него росло тяжёлое предчувствие. Капитан слишком хорошо знал Петербург, чтобы понимать, что кабинетные крысы, о которых говорил Скобелев, защищают свои кресла гораздо яростнее, чем текинцы свою крепость.

Две недели спустя. Санкт-Петербург. Здание Министерства иностранных дел на Дворцовой площади.

В просторном кабинете, обшитом панелями из тёмного дуба, было тихо. Лишь потрескивали дрова в камине, да за окном выл февральский петербургский ветер, швыряя в стекла колючий снег.

Граф Валериан Николаевич Воронцов-Вельяминов, товарищ министра иностранных дел, сидел в глубоком кожаном кресле. В его тонких пальцах с безупречным маникюром была зажата дымящаяся сигара. Перед ним на столе лежал запечатанный сургучной печатью пакет с пометкой *«Лично. Секретно. Отрезано от копирования»*.

Воронцов аккуратно вскрыл пакет серебряным ножом для бумаги. Это была та самая копия «Индийского плана» Скобелева, которую генерал тайно отправил в Гатчину новому императору. Но у графа были свои люди в курьерской службе.

По мере того, как Воронцов читал записки капитана Воронежского, фиксировавшего идеи Скобелева о походе казачьих корпусов через Афганистан, его породистое, бледное лицо становилось еще бледнее. Лоб графа покрылся мелкой испариной, он поправил золотое пенсне.

– Сумасшедший... Проклятый степной выскочка, – прошептал Воронцов, швыряя листы на стол. – Он погубит Россию. Он втянет нас в войну с сильнейшим флотом мира. Всё, над чем мы работали, все наши европейские союзы, финансовые кредиты, это всё пойдет прахом из-за амбиций одного солдафона, возмнившего себя Бонапартом!

Граф поднялся, нервно прошёлся по мягкому ковру кабинета и остановился у секретера. Он нажал на скрытую пружину, и из потайного ящика выдвинулась небольшая деревянная шкатулка. Внутри лежал блокнот с особым цифровым книжным шифром. Этот код связывал Воронцова напрямую с особняком на Английской набережной, где располагалось посольство Великобритании.

Воронцов обмакнул перо в чернильницу. Рука его слегка дрожала, но взгляд был холодным и решительным. Он искренне верил, что совершает благо во имя спасения Отечества.

«Срочно. Оливье. Выродок из Геок-Тепе подготовил детальный план вторжения в Афганистан и Индию. Царь колеблется, но Скобелев имеет на него огромное влияние. Скобелев отправляется в Париж, чтобы искать поддержки у французов. Если он добьется успеха, катастрофа неизбежна. Этот человек должен исчезнуть. Любой ценой. График его поездки и шифры охраны прилагаю».

Воронцов запечатал записку в плотный конверт и дёрнул шнурок колокольчика, вызывая своего доверенного слугу. Приговор «Белому генералу» был подписан его собственным соотечественником.

Февраль 1881 года. Лондон, Уайтхолл. Здание Секретной службы Короны.

Лондон тонул в своем классическом, маслянистом тумане, который англичане уважительно именовали «гороховым супом». Тяжёлая мгла пахла каменным углём, речной сыростью Темзы и конским навозом. В кабинете главы Секретной службы на Уайтхолле, однако, пахло исключительно дорогим табаком и сургучом.

Уильям Кортленд сидел в глубоком кожаном кресле, лениво наблюдая за тем, как за окном, в сером мареве, едва угадывались контуры проезжающих кэбов. На нем был безупречный шерстяной костюм тройка, а на коленях покоилась трость из чёрного дерева с серебряным набалдашником в виде головы волка. Кортленд обладал редким даром умения сидеть абсолютно неподвижно часами, напоминая затаившуюся гончую.

Начальник службы, сэр Мэнсфилд, грузный мужчина с седыми бакенбардами и тяжелым, бычьим взглядом, швырял на стол одну папку за другой. Наконец, он вытащил небольшой лист плотной бумаги, исписанный мелким почерком.

– Из Петербурга пришли дурные новости, Уильям. Наш «друг» в российском Министерстве иностранных дел, совершил перехват чрезвычайной важности, – сэр Мэнсфилд затушил сигару в массивной бронзовой пепельнице. – Русский выскочка Скобелев, этот мясник из Геок-Тепе, подготовил для своего нового царя документ. Аналитическую записку.

Кортленд слегка повернул голову, его серые, холодные глаза сузились.

– Поход на Памир?

– Хуже. Поход на Индию, – жёстко отрезал начальник. – Детальный план. С картами, расчётом провианта для казачьих корпусов и точками форсирования Инда. Скобелев утверждает, что Россия готова ударить нас в самое сердце. И, что самое скверное, новый русский царь, который терпеть не может Англию, воспринимает эти бредни всерьёз.

Сэр Мэнсфилд пододвинул к Кортленду пухлую папку из жёлтого картона. На ней стоял гриф: *«Совершенно секретно. Ликвидация»*.

– Вы отправляетесь в Европу, Уильям. Скобелев получил отпуск и уезжает в Париж. Официально лечить нервы после азиатской кампании и развлекаться. Неофициально, он будет искать контакты с французским Генеральным штабом. Если этот фанатик заключит военный союз с французами, нам придётся воевать на два фронта.

Кортленд протянул руку в тонкой лайковой перчатке и открыл папку. С первой страницы на него смотрел дерзкий, уверенный взгляд человека в ослепительно белом мундире. Светлые бакенбарды, Георгиевский крест на шее. Михаил Скобелев.

– Он гений тактики, сэр. Солдаты боготворят его. В России его называют «Белым генералом», – негромко произнес Кортленд, перелистывая страницы досье. – Убрать такую фигуру в Париже приведёт к международному скандалу. Французская полиция перевернёт весь город.

– Именно поэтому действовать нужно тоньше, – сэр Мэнсфилд постучал толстым пальцем по столу. – Никаких пуль, Уильям. Никаких ножей в подворотнях Монмартра. Его смерть должна выглядеть как трагическое следствие его же пороков. Изучите вторую часть досье. Наш источник в Петербурге оказался весьма любезен и предоставил нам полную карту уязвимостей этого «бога войны».

Кортленд углубился в чтение. Строчки, написанные аккуратным почерком аналитиков, раскрывали Скобелева с совершенно иной, тёмной стороны.

«Объект подвержен тяжелым приступам меланхолии. После затяжных боев испытывает панический страх одиночества и бессонницу. В периоды спада ищет утешения в алкоголе и случайных связях. Имеет выраженную слабость к женщинам определенного типа: европейская внешность, покладистый характер, готовность слушать».

На следующей странице была подколота небольшая дагеротипная фотография. Снимок молодой, очень красивой блондинки с фарфоровой кожей и испуганным взглядом голубых

глаз. Подпись гласила: *«Шарлотта Альтенроз. Известная московская куртизанка немецкого происхождения. В светских кругах Москвы использует имя Элеонора»*.

– Наш петербургский источник уже скупил все векселя и долги этой девицы в Баварии, – вкрадчиво произнес сэр Мэнсфилд. – Шарлотта Альтенроз принадлежит нам со всеми потрохами. Сейчас она находится в Москве, но как только Скобелев вернется из Парижа, она станет его главной тенью. Она сделает всё, что вы ей прикажете, Уильям. Потому что альтернативой для неё является долговая тюрьма или публичный позор.

Кортленд закрыл папку и плавно поднялся с кресла. Его трость сухо стукнула о паркет. На бледных губах британского ликвидатора появилась едва заметная, леденящая улыбка.

– План понятен, сэр. Я начну с Парижа. Попробую устроить генералу «несчастный случай» на французских бульварах. Сюртэ спишет это на хаос столичного движения. Если «Белый генерал» окажется слишком везучим, тогда мы встретимся в России. Под нежным надзором фройляйн Шарлотты.

– Помните, Уильям, – сэр Мэнсфилд посмотрел на него со всей серьёзностью, на которую был способен. – Скобелев не должен дожить до конца этого года. Британская корона не может позволить себе потерять Индию из-за одного сумасшедшего русского. Действуйте.

Кортленд коротко кивнул, прижал папку к боку и вышел из кабинета. Через несколько минут его высокая, худощавая фигура в сером котелке растворилась в густом, удушливом лондонском тумане, взяв курс на Дувр, а оттуда на Париж. Большая игра вышла на новый, смертоносный уровень.

Февраль 1881 года. Асхабад. Временная штаб-квартира русских войск.

Азиатская зима уходила неохотно. По ночам ледяной ветер, дувший со стороны Каспия, заставлял часовых кутаться в тяжёлые овчинные тулупы, а днём солнце раскаляло плоскую, как стол, глиняную равнину Асхабада. Вокруг штабного городка стоял непрерывный гул: ржали лошади казачьих сотен, скрипели немазанные колёса обозных телег, и глухо ухали орудия, которые артиллеристы чистили после затяжной кампании.

Капитан Воронежский стоял у невысокого окна глинобитного флигеля, служившего контрразведывательному отделению временной канцелярией. На столе перед ним лежала рассыпанная махорка, стояла остывшая кружка чая и жестяная банка с густой мазью от ожогов на пальцах, полученных в Геок-Тепе, которые затягивались медленно и нестерпимо зудели. В руке он привычно крутил серебряные отцовские часы, вслушиваясь в их сухое, мерное тиканье.

Дверь резко скрипнула. В комнату вошел унтер-офицер Сухов, тот самый казак, что прикрывал Воронежского при штурме сакли. Его лицо было бледным, несмотря на азиатский загар.

– Ваше благородие, – тихо, оглянувшись на дверь, произнес Сухов. – Нашли. В дальнем караван-сараяе, за конюшнями.

Воронецкий замер, часы в его пальцах остановились.

– Живой?

– Куда там, – унтер сплюнул на земляной пол. – Чисто сработано. Один удар, от уха до уха. Горло перерезано так, что едва голова держится. В округе никто и шороха не услышал.

Двадцать минут спустя Воронежский уже стоял в полутёмном, воняющем навозом и прелой соломой углу заброшенной конюшни караван-сарая. На куче грязного войлока лежало тело. Это был Мирза-хан – молодой перс, которого штаб Скобелева нанял три месяца назад в качестве переводчика и писца. Именно через его руки проходили копии некоторых приказов по Ахалтекинскому отряду.

Родион опустил на одно колено, стараясь не пачкать штанин в навозной жиже. Лицо мертвеца застыло в гримасе дикого, животного ужаса. Глаза были широко раскрыты. Воронеж-

кий аккуратно, кончиком ножа, раздвинул края разреза на шее. Рана была глубокой, ровной, без рваных краев. Столь ювелирную работу не мог сделать текинец своим тяжелым клычём. Тут действовали иным лезвием – тонким, как бритва.

Капитан запустил руку в карманы халата покойного. Пусто. Ни единой медной монеты, ни записки. Но когда Воронежский перевернул тело, из широкого рукава на солому выпал крошечный, смятый клочок тонкой папиросной бумаги.

Родион осторожно развернул его. На бумаге не было текста. Там был набросан беглый, но удивительно точный план расположения комнат в доме, где жил Скобелев. А внизу, под чертежом, красовалась выведенная карандашом английская буква «С».

«Сбор информации, – понял Воронежский, почувствовав, как вдоль хребта пробежал холодок. – Перс шпионил за штабом. Но как только крепость пала, хозяева зачистили концы. Избавились от свидетеля».

Час спустя. Личный кабинет генерала Скобелева.

В комнате царил хаос сборов. На полу стояли открытые кожаные чемоданы, куда ординарец лихорадочно укладывал парадные мундиры, карты, книги и коробки с сигарами. Сам Скобелев, в накинутом на одно плечо светлом чекмене, расхаживал из угла в угол, на ходу диктуя адъютанту текст прощального приказа по войскам.

– Михаил Дмитриевич, мне нужно два слова. Наедине, – жёстко произнес Воронежский, появляясь на пороге.

Генерал хмуро посмотрел на капитана, заметил выражение его лица и махнул рукой адъютанту и ординарцу:

– Вон все. На пять минут.

Когда дверь за подчиненными захлопнулась, Воронежский молча подошёл к столу и выложил перед Скобелевым окровавленный клочок бумаги с планом его дома.

– Мирза-хан, наш переводчик. Только что найден в конюшнях с перерезанным горлом, – без предисловий сказал Воронежский. – Он работал на британцев, Михаил Дмитриевич. Составлял карту ваших покоев. Его убрали профессионально. Их агентура работает прямо у нас под носом, в Асхабаде. Они пасут каждый ваш шаг.

Скобелев даже не взглянул на план. Он подошел к окну, заложив руки за спину.

– Я знаю, капитан, – глухо произнес генерал. – Думаете, я слеп? Вчера мне доложили, что из Мешхеда в сторону Персидского залива ушёл курьер. Англичане знают, что мы взяли Геок-Тепе. Они знают, что их документы у нас. Они в ярости. Позавчера государь подписал мой рапорт об отпуске. Я уезжаю в Европу. Через неделю я буду в Париже.

– Михаил Дмитриевич, это безумие! – Воронежский сделал шаг вперёд, его голос сорвался на шёпот. – В Париже вы будете идеальной мишенью. На кавказских линиях или здесь, в пустыне, я могу окружить вас кольцом из сотни казаков. А там? Среди французских бульваров, выставок и театров? Если они решились убить своего же лазутчика здесь, они не побоятся поднять руку на вас в Европе. Наш «Индийский план» – это их смертный приговор.

Скобелев резко повернулся. На его лице не было страха, только упрямая, фанатичная гордость.

– Вы предлагаете мне спрятаться, капитан? Запереться в Гатчине под юбкой у фрейлин? – генерал горько усмехнулся. – Нет. В Париже у меня встречи. Важные встречи. Я должен убедить французов, что Англия наш общий враг. Я поеду. И поеду открыто.

Воронецкий молчал несколько секунд, глядя в серые, прозрачные глаза своего командира. Он понимал, что спорить с «Белым генералом» бесполезно. Тот скорее пойдет на пушки, чем отступит.

– В таком случае, Михаил Дмитриевич, я еду с вами, – тихо, но со стальной интонацией произнес Воронежский. – Не как офицер вашего штаба. Официально я остаюсь в распоряжении Туркестанского жандармского управления. Но неофициально... я буду вашей тенью в Париже. Я сниму мундир, надену штатский фрак и буду проверять каждый угол, каждую карету и каждого журналиста, который попытается подойти к вам на расстояние выстрела.

Скобелев внимательно посмотрел на капитана, оценивая его обожжённые пальцы и жёсткий, решительный взгляд дворянина, для которого слово «честь» ещё что-то значило. Генерал медленно подошёл и тяжело опустил руку на плечо Воронежского.

– Спасибо, капитан. Я знаю, что на тебя можно положиться. Но помни, что в Европе мы будем играть на чужом поле. Там у них законы, полиция, дипломатия...

– Там у них Кортленд, Михаил Дмитриевич, – перебил его Воронежский, пряча серебряные часы в карман сюртука. – Человек, который подписал те обгоревшие бланки. И я чувствую, что он уже ждёт нас на перроне в Париже. Собирайте чемоданы, генерал. Наша прогулка по бульварам будет жаркой.

Глава 2

Февраль 1882 года. Париж. Вокзал Гар де л'Эст.

Париж встретил их пронзительным, сырым холодом и оглушительным, яростным рёвом человеческого моря.

Огромный мазутный локомотив, тяжело отдуваясь встречными струями серого пара, замер у перрона под ажурными сводами стеклянной крыши вокзала. Не успели проводники откинуть подножки вагонов первого класса, как перрон захлестнула бурлящая толпа. Французские газетчики, размахивая блокнотами, лезли прямо под колеса, кричали наперебой извозчики, а сотни нарядных парижан скандировали в едином порыве:

– Виват, Скобелефф! Виват, ле Женераль Блан!

Капитан Воронецкий вышел из вагона на полминуты раньше генерала. На нём больше не было привычного офицерского мундира. Вместо него – безупречно сшитое в Петербурге дорожное пальто из плотного сукна, мягкая фетровая шляпа, глубоко надвинутая на глаза, и элегантная трость, внутри которой скрывался тяжёлый стальной гранёный штырь.

Воронецкий не смотрел на восторженную толпу. Его взгляд, холодный и сканирующий, скользил по лицам. Он вылавливал из людской массы слишком неподвижные фигуры, фиксировал руки, спрятанные в карманах пальто, и оценивал балконы второго яруса вокзала, где могли быть идеальные точки для стрелка. Ожоги на ладонях, полученные в Азии, превратились в бледные жёсткие шрамы, которые сейчас неприятно заныли от парижской сырости. Родион сунул руки в карманы, нащупав под сукном знакомую рукоять «Смит-Вессона». В Европе это оружие было вне закона, но капитан плевать хотел на законы Третьей республики.

– А вот и он! – взвыла толпа у багажных телег.

На подножку вагона ступил Михаил Дмитриевич Скобелев. Несмотря на частный характер визита и дорожную усталость, он выглядел так, словно принимал парад. Вместо военного мундира на нём было роскошное светлое пальто с меховым воротником, из-под которого виднелся безупречный галстук-аскот, а светлые бакенбарды были идеально уложены. Генерал ослепительно улыбнулся, приветственно поднял руку в неизменной белой перчатке, и вокзал буквально взорвался аплодисментами. К нему тут же протиснулся князь Орлов, российский посланник в Париже, окружённый кольцом жандармских филеров в котелках.

– Михаил Дмитриевич! С прибытием! – Орлов перекрикивал гул толпы, пожимая генералу руку. – Париж сошёл с ума. Вас ждут в каждом салоне Сен-Жерменского предместья! Карета подана к главному выходу.

Скобелев, окруженный плотным кольцом французских репортеров и официальных лиц, медленно двинулся сквозь живой коридор.

Воронецкий шёл параллельно, в трёх шагах слева, слегка оттирая плечом слишком ретивых обожателей. Он чувствовал, как у него между лопатками начинает зудеть от удушливой, невидимой опасности. Париж казался ему огромной, сияющей сотнями газовых рожков паутиной.

Они вышли на привокзальную площадь, залитую грязной водой после утреннего дождя. Чёрный лакированный экипаж с гербами российского посольства уже ждал у входа. Четвёрка вороных коней нетерпеливо била копытами по мокрой брусчатке.

Воронецкий остановился у подножки кареты, осматривая противоположную сторону улицы. Там, у входа в дешёвое вокзальное бистро, стоял высокий, худощавый мужчина. На нём было длинное английское пальто, а на голове серый котелок, низко надвинутый на лоб, так что лица было не разглядеть. На руках мужчины были приметные жёлтые кожаные перчатки. Он не

кричал «виват» и не пытался протиснуться к генералу. В зубах он лениво держал дымящуюся сигару, а в руке сжимал трость с серебряным набалдашником.

Когда Скобелев уже садился в карету, человек в жёлтых перчатках медленно поднял голову. Лучи газового фонаря на секунду выхватили его лицо с тонкими, аристократическими чертами, ледяным, оценивающим взглядом серых глаз и едва заметной, едва уловимой усмешкой на тонких губах.

Человек встретился взглядом с Воронежским. Он не отвёл глаз. Вместо этого он приподнял руку в жёлтой перчатке, сделал лёгкий, почти издевательский жест, словно приветствовал старого знакомого, и медленно повернулся, растворяясь в сыром парижском тумане, уходящем в сторону бульвара Мадлен.

«Кортленд... – внутри у Воронежского всё заledenело, а пальцы в кармане сжали револьвер. – Это он. Призрак из Уайтхолла. Он не просто ждал нас. Он пришел заявить, что охота началась».

Когда лакированный экипаж посольства с гербами Российской империи скрылся за поворотом увозя Скобелева, капитан Воронежский не поехал следом. Он проводил карету взглядом, поправил фетровую шляпу и повернулся спиной к сияющему центру Парижа. Его путь лежал на север, к холму Монмартр, где заканчивался блеск витрин и начиналась территория криминального мира Монмартра, парижских уличных хищников.

Воронецкий слишком хорошо знал, что официальная полиция Сюртэ будет лишь путаться под ногами, а французские филеры князя Орлова слишком приметны. Чтобы поймать британского «Призрака», Воронежскому нужны были глаза и уши парижского дна. Люди, которые знают каждый проходной двор, каждую «воровскую малину» и каждого извозчика.

Час спустя Родион уже сидел в глубине кабака «У сухого дерева» на окраине Монмартра. Место воняло дешёвым кислым вином, махоркой и сыростью. За липким деревянным столом напротив русского капитана сидел вожак местной банды. Это был молодой парень по кличке Анри-Нож. На нём была характерная для родёров полосатая трикотажная рубаша, красный шейный платок и стоптанные штиблеты с острыми носами. Его глаза, хитрые и злые, не сводили взгляда с пальцев Воронежского.

Капитан выложил на стол пять тяжёлых золотых французских луидоров. Золото глухо звякнуло, приковав к себе взгляды сидевших за соседними столами бандитов.

– Мне нужны две вещи, Анри, – тихо, на безупречном арго французских низов произнес Воронежский. – Первое: закрытый фиакр с надежным кучером, который будет дежурить по первому сигналу и не задаст вопросов, если внутрь придется бросить бесчувственное тело. Второе: ваши парни должны следить за всеми английскими туристами в районе Гранд-Отеля. Особо за теми, кто носит жёлтые кожаные перчатки и трости с серебряными набалдашниками.

Анри-Нож потянулся к золоту, но Воронежский накрыл монеты ладонью. На его правой руке, лишенной перчатки, зловеще блеснула глянцева кожа старых азиатских ожогов. Вожак родёров замер, оценив и эти шрамы, и холодный, мёртвый взгляд русского офицера. Он понял, что перед ним не богатый иностранный простофиля, а опасный хищник.

– Пять луидоров сейчас, – Воронежский убрал ладонь. – И еще десять, когда твои люди выполнят работу. Если хоть одно слово уйдет полиции или англичанам, я вернусь, Анри. И поверь, в Туркестане я научился выпускать кишки гораздо быстрее, чем это делают на Монмартре.

Анри-Нож криво усмехнулся, ловко сгребая золото в карман.

– Карета будет ждать вас завтра у бульвара Капуцинок, мосье. Мои парни станут вашими теньями. Французское золото творит чудеса, а русская ярость мне по душе.

Воронецкий коротко кивнул, поднялся и вышел в парижскую ночь. Теперь у него была своя карманная армия в трущобах.

Февраль 1882 года. Париж. Зал торжеств в отеле «Континенталь».

Хрустальные люстры отеля «Континенталь» заливали огромный зал ослепительным, дрожащим светом сотен свечей. В воздухе стоял густой, дурманящий шлейф из ароматов дорогих духов, лилейной пудры, жареной дичи и табачного дыма от гаванских сигар. За длинными столами, ломившимися от фарфора и серебра, сидел цвет парижского общества: французские генералы в расшитых золотом мундирах, сербские и черногорские дипломаты, депутаты Национального собрания и блестящие светские дамы.

В центре банкета, по правую руку от председателя, сидел Михаил Дмитриевич Скобелев. Он уже выпил несколько бокалов шампанского «Вдова Клико». Его щеки горели лихорадочным румянцем, а серо-голубые глаза лихо и задорно поблескивали.

Капитан Воронежский стоял у массивной мраморной колонны в глубине зала. На нём был строгий чёрный фрак, белый жилет и безупречно завязанный галстук. Эта позволяло ему выглядеть как одному из многочисленных благородных гостей. Однако в отличие от остальных, Воронежский не притрагивался к вину. Его правая рука, затянута в тонкую шелковую перчатку, скрывавшую шрамы, покоилась на борту фрака, под которым в специальном потайном кармане висел тяжелый «Смит-Вессон».

Воронецкий медленно сканировал лица официантов, разносивших подносы, и заезжих корреспондентов, толпившихся у входа с блокнотами. Контрразведывательное чутьё, обострённое до предела после провокальной встречи, кричало ему, что Кортленд здесь, он близко.

Вдруг гул голосов за столом стих. Скобелев поднялся со своего места, держа в руке наполненный бокал. Его высокая, статная фигура мгновенно приковала к себе взгляды всего зала.

– Господа! – голос Белого генерала прозвучал раскатисто, легко перекрывая шелест шёлковых платьев и звон хрусталя. – Я пью за великую Францию и за наше братство! Но мы не должны обманывать себя блеском этих люстр. Европа стоит на пороге колоссальной катастрофы. Имя этой катастрофы – германский штык и британский фунт.

По залу пронёсся вздох изумления. Русский посланник князь Орлов, сидевший чуть поодаль, побледнел и судорожно схватился за салфетку. Воронежский внутренне сжался. Скобелев переходил черту.

– Да, господа! – Скобелев повысил голос, его рука в неизменной белой перчатке яростно рубанула воздух. – Нас пытаются убедить, что Россия должна сидеть смирно. Но я скажу вам правду. Главный поджигатель будущей войны сидит в Лондоне! Британский паразит опутал своими сетями Азию и теперь пытается диктовать условия нам. Они боятся нашей силы. Боятся, что русские штандарты появятся на Памире. Так пусть знают, что если Англия посмеет поднять руку на интересы России, наши казацкие корпуса напоят своих коней из вод Инда! Мы сокрушим их империю в её собственной жемчужине!

Зал на секунду замер в гробовой тишине, а затем буквально взорвался. Французские офицеры вскочили, гремя саблями и крича «Виват!». Это был не просто тост, это был манифест. Объявление геополитической войны.

Князь Орлов, едва сдерживая дрожь в голосе, подскочил к Скобелеву, пытаясь увести его из-за стола, но репортеры уже хлынули к генералу, как стая голодных волков.

Воронецкий быстрым шагом двинулся сквозь толпу, пробиваясь к командиру. В этот момент людской поток вынес прямо к Скобелеву высокого господина с блокнотом в руках.

Это был Уильям Кортленд. На нём был безупречный вечерний костюм, волосы гладко зачесаны назад, а на носу поблескивало изящное пенсне. Он выглядел как типичный высокомерный интеллектуал из британской прессы.

– Генерал Скобелев! – Кортленд заговорил по-французски с едва заметным, подчёркнуто изысканным английским акцентом. Его голос звучал тихо, но в нём слышалась леденящая

сталь. – Уильям Кортленд, корреспондент лондонской The Times. Ваша речь... восхитительна в своем безумии. Скажите, ваш император Александр III знает, что его лучший генерал публично угрожает Британской короне войной? Или вы говорите это от имени тех сил в России, которые грезят о военной диктатуре?

Скобелев резко обернулся к журналисту, его глаза опасно сузились.

– Мой государь, мистер Кортленд, знает цену британским интригам. А что касается диктатуры... солдат империи выполняет приказы, но своё мнение высказывает открыто! Передайте вашим лордам в Уайтхолле, что время их безнаказанности вышло.

– О, я обязательно передам им ваши слова, генерал, – Кортленд едва заметно, одними уголками губ, улыбнулся. – До единого слова. Боюсь только, что столь горячее сердце, как ваше, сгорает слишком быстро. Берегите здоровье. Парижский климат бывает очень изменчив... и смертельно опасен для лёгочных сосудов.

Кортленд сделал легкий, почти незаметный полупоклон и начал отступать в толпу.

Воронецкий рванулся наперерез, протягивая руку, чтобы схватить британца за плечо.

Но между ними мгновенно выросла стена из восторженных французских депутатов и репортеров, оттеснивших капитана назад. Когда через три секунды Воронежский пробился сквозь затор, Кортленда у входа уже не было. Он растворился в роскошных коридорах «Континенталья», оставив после себя лишь едва уловимый запах дорогого табака.

Воронецкий подошел к Скобелеву, который тяжело дышал, окруженный дипломатами.

– Михаил Дмитриевич, это был он, – тихо, на ухо генералу произнес Родион. – Кортленд. Он подошёл к вам в упор.

Скобелев медленно повернул голову к капитану. На его лбу выступили крупные капли пота, а рука, державшая пустой бокал, слегка дрожала.

– Я понял это, капитан. По его глазам понял. Он пришёл вынести мне приговор.

– Нам нужно уходить. Сейчас же, – Воронежский жёстко взял генерала под локоть. – Он проверил дистанцию. Следующий его шаг будет зловещим.

Февраль 1882 года. Париж. Бульвар Капуцинок. Вторая половина дня.

Париж тонул в сыром сером тумане, который наползал со стороны Сены и превращал роскошные фасады зданий в призрачные силуэты. Дождь еще не начался, но брусчатка бульвара Капуцинок уже блестела от влаги, как спина огромной рыбы. Навесы уличных кафе были опущены, а немногочисленные прохожие кутались в пальто, спеша укрыться от нарастающего холода.

Генерал Скобелев, категорически отказавшийся от кареты посольства, шёл размашистым, военным шагом. Светлое пальто генерала выделялось в сером мареве бульвара как мишень. Он был взвинчен после вчерашней речи, его пальцы в белой перчатке то и дело нервно постукивали по бедру.

Воронецкий следовал чуть правее в двух шагах позади. Воротник его дорожного пальто был поднят, фетровая шляпа надвинута на лоб. Ладонь в кармане сжимала рукоять «Смит-Вессона». Капитана не покидало удушающее, животное чувство опасности. Каждый чистильщик обуви, каждый разносчик газет казался ему затаившимся убийцей.

На перекрестке с улицей Мира движение было плотным. Тяжёлые груженные бочками телеги и лакированные фиакры грохотали колёсами, создавая непрерывный гул. Скобелев остановился у края тротуара, пропуская проехавшую карету с дамами.

Вдруг краем глаза Воронежский заметил движение на противоположной стороне. Из дверей дорогого часового магазина вышел высокий господин. На нем было длинное английское пальто, а на руках приметные жёлтые кожаные перчатки. Уильям Кортленд. Британский ликвидатор не смотрел на Скобелева. Его взгляд был направлен чуть выше по улице, где из-за

поворота, набирая скорость на наклонной мостовой, спускалась тяжёлая, гружёная бочками пивная повозка

Кортленд медленно поднял правую руку, в которой держал трость с серебряной головой волка, и сделал в воздухе короткий, резкий круговой жест. Сигнал.

В ту же секунду грузный кучер пивной повозки, низко надвинувший на глаза кепку, с силой рванул вожжи на себя и бешено стегнул четверку тяжёлых лошадей-першеронов кнутом. Кони испуганно взвились на дыбы и понесли. Многотонная махина, потеряв управление, на полной скорости вылетела с проезжей части прямо на брусчатый тротуар, где спиной к ней стоял Скобелев.

– Михаил Дмитриевич, берегись! – истошно, срывая голосовые связки, крикнул Воронецкий.

Времени на размышления не было. Кованные копыта первой лошади уже взмыли над головой генерала. Воронецкий совершил отчаянный, дикий прыжок вперед. Он всем телом навалился на Скобелева, увлекая его за собой.

Они покатались по мокрой, грязной брусчатке бульвара за долю секунды до того, как тяжёлое колесо ломовой телеги с пушечным треском раскололо чугунную тумбу. Повозка тут же накренилась и перевернулась, сминая железные столы уличного кафе. Огромные пивные бочки с грохотом посыпались на мостовую, давя всё на своём пути. Толпа взорвалась истошными криками и женским визгом.

Воронецкий вскочил на ноги первым. Ладонь была содрана в кровь о камни, в глазах темнело от выброса адреналина.

– Михаил Дмитриевич! Живой?!

Скобелев поднялся с мостовой, опираясь на обломок чугунной тумбы. Его дорогое светлое пальто было безнадежно испачкано парижской грязью, на лбу горела ссадина, но взгляд оставался трезвым и яростным.

— Живой, капитан! Ищи его!

Воронецкий резко повернул голову к часовому магазину. Кортленда там уже не было. Британский ликвидатор растворился в поднявшейся панике, словно призрак. Но на проезжей части, у перевернутой повозки, зашевелился кучер. Он с трудом выбрался из-под обломков козел, дико огляделся и, бросив вожжи, сломя голову бросился в тёмный зев узкого переулка, ведущего в сторону Сент-Антуанского предместья.

– Сухов, к генералу! Никого не подпускать! – рявкнул Воронецкий подбежавшему унтеру и, на ходу срывая с себя стесняющее движения пальто, бросился в погоню.

Парижские подворотни встретили его холодной сыростью и запахом гнили. Кучер бежал быстро, несмотря на свой вес. Он петлял между глухими стенами доходных домов, сбивая на ходу мусорные баки и пугая бродячих собак. Воронецкий видел его широкую спину в кожаном жилете в пятидесяти шагах впереди.

Грязь летела из-под подошв дорогих сапог капитана. Дыхание со свистом вырывалось из груди, обжигая лёгкие. Воронецкий понимал, что если этот человек уйдёт в лабиринты рабочих кварталов, найти его будет невозможно. Это их единственный свидетель.

Кучер свернул в глухой тупик между двумя высокими кирпичными складами. Поняв, что бежать дальше некуда, он резко развернулся, тяжело дыша, и выхватил из-за пояса длинный нож-бабочку.

– Назад, мосьё! Зарежу! – прохрипел француз, выставив лезвие вперед.

Воронецкий даже не замедлил шаг. На его лице не было ни тени сомнения. На бегу он перехватил свою трость за нижний конец. В два прыжка разорвав дистанцию, капитан сделал финт влево, уклоняясь от неумелого выпада ножом, и с размаху опустил тяжёлый серебряный набалдашник трости прямо на ключицу кучера.

Раздался сухой, мерзкий хруст ломающейся кости. Француз взвыл, выронив нож, и рухнул на колени. Воронецкий без малейшей жалости нанёс второй удар снизу вверх, в челюсть. Мужчина отлетел к кирпичной стене и обмяк, потеряв сознание.

Капитан тяжело дышал, вытирая рукавом фрака кровь, сочившуюся из содранной ладони. Он подошёл к поверженному кучеру, схватил его за ворот кожаного жилета и поволок к выходу из тупика, где в темноте уже показался силуэт нанятого Суховым закрытого извозчичьего фиакра.